«Столица», задал такой же вопрос Мастерам. Ответ стоит того, чтоб привести его дословно.

«Заявились в лес чайники — они не отдохнуть пришли, а водки выпить. Их предупредили, мол, в лесу надо себя вести соответственно: зеленку не рубить, под деревом костер не разводить, — но они не вняли. Пришлось произвести показательное внушение. Когда стемнело, наши с разных сторон ползком подобрались к костру. Те ничего не заметили и очухались только тогда, когда в темноте вокруг них выросли девять фигур в плащах. В полной тишине одна из фигур спрашивает, что, мол, Хозяин, делать будем, люди законов леса не уважают, предупреждений не слушают... А тот отвечает: ладно, на первый раз простим, но костерок потушим и еду выльем, чтобы понятнее было. Сделали — и исчезли. Те так и остались, как сидели, — с открытыми ртами и съезжающей крышей. Но наутро ушли — и за собой мусор убрали!»

Это уже произошло. Уже сегодня «политик», «солдат», «ученый», «писатель», «журналист» в глазах большинства внешних наблюдателей — не более чем ролевая игра. Все, наверное, помнят: по результатам последней переписи в России помимо русских, татар, евреев, башкир — несколько десятков тысяч эльфов, орков и хоббитов... Культурные сдвиги таких масштабов, по-видимому, вообще вне морали, как сдвиги геологические. Но если что-то происходит в нас и вокруг нас — по крайней мере стоит попытаться осознать происходящее. Тогда — по крайней мере под Агдамом, Дубоссарами, Баня-Лукой, Ачхой-Мартаном и где там еще случится завтра — будут погибать только те, кто ясно понимает, зачем они здесь. И среди них — будем надеяться — больше не окажется ни одного заблудшего романтика, который просто не успел понять, что на самом деле он — *«Дори, сын Двалина, гном из Синих Гор, из Габилгатхолла, идущий в Серебристые гавани к Сирдану-Корабелу и светлому королю Гиль-Гэладу, потому что им, сказывают, нужны умелые гномьи руки...»*

ТАТЬЯНА КАСАТКИНА

*

ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Согласившись написать отклик на статьи Андрея Столярова и Армена Асриян, я и не предполагала, что это будет так трудно, пока не приступила к делу. Трудность оказалась связана прежде всего с первой из этих двух статей: она сплошь состоит из, мягко говоря, неточностей, казалось бы, лишающих разговор о ней смысла, а все же нет, сохраняется нечто в остатке, что не позволяет просто сбросить ее со счета, отвязаться от поставленных в ней проблем указанием на промахи автора в области генетики, истории, истории культуры, педагогики и т. п. От ощущения своей беспомощности пошла смотреть телевизор. В новостях сообщили, что уже неделю вся Америка не отрывает глаз от Сан-Франциско, где вопреки закону штата мэр города позволил регистрацию гомосексуальных браков. Показывали серьезные и встревоженные лица президента Буша и губернатора штата Шварценеггера, произносивших очень разумные увещевательные речи, воодушевленную молодежь с плакатами, самоотверженно и солидарно требующую разрешить делать всем кто чего захочет, и нелепые, нежные и счастливые лица тех, кому удалось скрепить

Касаткина Татьяна Александровна — литературовед, критик. Родилась в 1963 году в Москве. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН. Постоянный автор «Нового мира».

свой союз перед лицом людей. Смотрел ли на них в это время Бог, я не знаю. Затем я услышала, что американские ученые опять установили дату и причину гибели Вселенной, имеющей произойти через 30 млн. (не то млрд.) лет из-за «темной энергии», способствующей разбеганию космических тел в пространстве. Будут преодолены законы притяжения, планеты оторвутся от своих звезд, и постепенно во Вселенной останется одна «темная энергия». Затем говорили о теле, оставленном уже много лет назад одним буддийским учителем в Бурятии. Тело как живое, а с самим учителем некоторые ученики монастыря находятся в контакте. У тела совершаются исцеления, и именно ему приписывается спасение пассажиров самолета, потерпевшего там недавно аварию и развалившегося в воздухе на куски. А потом показали восьмилетнюю девочку, которая во время катастрофы в аквапарке под обвалившейся стеной, с поврежденной рукой и множественными ушибами, на холоде полтора часа держала другую, совсем незнакомую ей трехлетнюю девочку, пока не пришли спасатели. Ей стоило поднырнуть под стену, чтобы оказаться на свободе и в тепле, но с ребенком на руках она этого сделать не могла. Репортеру пришло в голову спросить, смогла ли бы она это сделать, если бы ребенка оставила. Она ответила: «Поднырнуть? Конечно. Но как же человека одного оставить в беде». Тут же в «Честном детективе» рассказали про молодую женщину, спланировавшую убийство своих родителей и бабушки с дедушкой. Она привезла родственников на машине в лес, а ее муж с другом расстреляли их и закопали в заранее подготовленную яму. Потом, пока по второму каналу шла «Матрица», на седьмом показывали фильм «Другие» — о существовании на параллельных планах в одном и том же доме живых и умерших, при этом некоторые из мертвых не знают, что они уже мертвые. В это время в фильме, который показывали по «Культуре», живые и умершие существовали, по крайней мере некоторое время после смерти, на одном уровне бытия.

Передавали все это вечером в субботу, когда в православных церквах шла утреня прощеного воскресенья и поминали изгнание Адама из рая.

В результате странным образом для меня оформился «сухой остаток» статьи Столярова. Мы действительно не знаем, что такое человек.

> Все настоящие споры о религии сводятся к вопросу, может ли человек, родившийся вверх тормашками, понять, где верх, где низ. Первый, главный парадокс христианства — в том, что обычное состояние человека неестественно и неразумно, сама нормальность ненормальна. Вот она, суть учения о первородном грехе. В занятном новом катехизисе сэра Оливера Лоджа первые два вопроса: «Кто ты?» и «Что, в таком случае, означает грехопадение?». Я помню, как я пытался сочинить свои ответы, но вскоре обнаружил, что они очень неуклюжи и неуверенны. На вопрос: «Кто ты?» я мог ответить только: «Бог его знает». А на вопрос о грехопадении я ответил совершенно искренне: «Значит, кто бы я ни был, я — это не я». Вот главный парадокс нашей веры: нечто, чего мы никогда не знали вполне, не только лучше нас, но и ближе нам, чем мы сами.
>
> *Г. К. Честертон, «Ортодоксия».*

Только мы по-разному этого не знаем. Андрею Столярову, судя по статье, знаком некий «человек», чьи «биологические характеристики» не менялись на протяжении тысячелетий, и проблему составляет лишь определение границы «вида» и возможности его дальнейшей «эволюции». Мое незнание гораздо фундаментальнее. Я совсем не представляю себе, каковы действительные биологические характеристики этого странного «вида». Уже давно к сфере расхожего «научного» знания относится тот факт, что человек использует свой потенциал на какие-то ничтожные проценты. И скорость реакций, и выносливость, и сила, и точность, и сосредоточенность действий, диапазон терморегуляции и

так далее — все то, чего Столяров ожидает от успехов генной инженерии, и то, чего он даже и не ожидает, — могут быть увеличены в десятки раз без всякого изменения генотипа. Этот потенциал не используется большинством «популяции», но тем не менее предоставляется в распоряжение любого родившегося человека. Этот потенциал включает в себя мудрость, ясновидение, сочувствие, достигающее в пределе способности к исцелению и физических, и душевных, и духовных увечий, безграничную отвагу и самоотверженность и много-много чего вплоть до воскрешения мертвых, хождения по водам, питания пяти тысяч человек пятью хлебами. «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду» (Ин. 14: 12). В человеке может вместиться Бог — и при этом не понадобится изменить ни одну из «биологических характеристик».

Это поражало всех, кто всерьез задумывался над главным событием Христианства на протяжении веков. «Христианство есть доказательство того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть», — писал Ф. М. Достоевский в XIX веке. «Неужели не понимаем, — пишет митрополит Сурожский Антоний в наши дни, — человек **так** велик, что Бог может стать Человеком и человек остается собой? И что так велика тварь, которую Бог призвал к бытию, что человек может вместить в себя Бога?»[1] Но это не только поражало — это становилось главным заданием христианина: обóжение. «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом» — основание всех догматов семи Вселенских соборов здесь, в этой максиме. И если после Пришествия Христова всякий верующий в Него был призван сотворить дела, что и Он, и больше сих, то последующие обетования еще безмернее: «Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, чтó будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин. 3: 2).

Христианские святые, стоявшие на воздухе во время молитвы, не вкушавшие годами, которым служили звери в пустыне, Сергий Радонежский, через несколько верст здоровающийся с Стефаном Пермским, буддийские учителя, оставлявшие свое тело и возвращавшиеся в него, «спорт» тибетских послушников — кто быстрее и больше высушит своим телом мокрых простынь на морозе, йоги, ходящие по ножам и лежащие на стекле, — какие «чипы» каким «коммандос» надо вживить, чтобы они все это выполняли? А ведь я сейчас говорю только о самых «простых» и «поверхностных» вещах из тех, которые доступно исполнять человеку.

Словом, параметры «человеческого формата» несколько сложнее и многообразнее тех, на основании учета которых Андрей Столяров решил, что пришло время виду эволюционировать.

Но в человека может вместиться не только Бог. Или, вернее, так: если уж в человека может вместиться Бог, то в него, в отсутствие Бога, может вместиться и всякое иное. Вообще проблема тех, кто считает возможным рассматривать человека лишь как существо «биологическое», именно в том и состоит, что человек никогда не остается на «биологическом» уровне, то есть на уровне того, что можно было бы назвать уровнем «здоровых инстинктов». Я опять повторяю общеизвестное. В животном мире взрослые члены одного и того же вида практически никогда не убивают и даже серьезно не калечат друг друга. Бой за самку или территорию — это «бой по правилам», турнир, а не война, не убийство. В животном мире совокупление — это способ продолжения рода: самка, не способная в данный момент зачать, не подпустит к себе самца, да и для самца она не представляет никакого интереса вне периода «брачного сезона». Дикое животное никогда не будет есть, если оно не голодно или если то, что ему предлагают, вредно. Жизнь с человеком быстро развращает, растлевает, сламывает «добрые инстинкты» — вплоть до известного отсутствия у ко-

---

[1] Антоний, митрополит Сурожский. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Проповеди. Клин, 1999, стр. 27.

кер-спаниелей ощущения сытости, приводящего иногда к гибели от обжорства (недаром глагол cocker (up) по-английски и означает ласкать, баловать, потворствовать, закармливать сладостями). С точки зрения человека, обладающего, как некоторые сейчас с удовольствием говорят, «здоровыми инстинктами», дикие животные — нездорово аскетичны.

Таким образом, человек, следующий, как это принято называть, «зову плоти», вовсе не становится естественным; с точки зрения животного мира, он становится противоестественным. Он становится одержимым — алчностью, жадностью, тщеславием, самолюбием, сладострастием, сластолюбием — и свое порабощение этими страстями принимает за свою подвластность инстинкту. Но это обольщение. У человека *нет* инстинктов. Инстинкт (не путать с рефлексом) — это очень сложная программа поведения, благодаря которой пчелы строят ульи, а муравьи — муравейники, птицы знают дорогу в страну, в которой никогда не бывали, благодаря которой кошка точно знает время овуляции — то есть момент, в который она должна зачинать. И так далее. Инстинкт — это очень жесткая программа поведения, имеющая при этом в виду пользу не индивида, но рода[2]. Пчела не может захотеть построить муравейник. Мы не можем нравственно осудить кошку за ее мартовские вопли. Человек не подвластен никакой программе поведения. Он свободен. И поэтому он ответствен. И поэтому он может из крайностей злодейства переходить к крайностям самоотвержения. И поэтому же он способен адаптироваться к изменяющейся среде *без процесса видообразования.* Не говоря уже о том, что с самого начала своей истории, насколько мы ее способны разглядеть, человек характеризуется не приспосабливанием к среде, но приспосабливанием среды к своим потребностям.

(Кстати, распространение — если правда есть распространение — «розового» и «голубого» в человечестве никак невозможно рассматривать в качестве процесса образования новых полов. Пол — половинка, половое размножение потому и половое, что в образовании каждого нового индивида участвуют два существа. А клонирование — это, простите, *почкование,* а вовсе не половое размножение. Средство размножения вовсе не для пар, а для *одиночек.* И поэтому, конечно, никакой генофонд оно *обогатить* не способно. Разве что сохранить, дублируя генотип «почкующегося» организма. Но это действительно только замечание кстати. Останавливаться на промахах Столярова я не буду — вышло бы очень долго и неинтересно. Тема о человеке, им поднятая, гораздо увлекательнее и насущнее.)

Итак, в рамках животного, в рамках «биологического себя» человек никоим образом не удерживается. Он неизбежно больше. И в каком-то смысле у него нет этого «биологического себя» — ибо у него, как уже было сказано, нет программы жизнедеятельности, инстинктов, определяющих порядок и строй бытия всякого биологического существа среди нам известных. То есть в каком-то смысле он «пуст». Эту пустоту порой ощущает всякий. Она заполняется тем, что мы называем культурой в самом широком смысле. Культура для человека — заместитель инстинктов, программа поведения, но в отличие от инстинктов не бессознательная и принудительная, а осознаваемая и принимаемая. Но если культура секулярна, то ее неизбежно слишком мало, чтобы заполнить пустоту. Она не охватывает слишком многих уровней человеческого бытия. Пустота остается. И если в человека не вмещается Бог — в него вмещается бес. А иногда и — легион бесов. В случае бездумного существования

---

[2] Поэтому Артур Шопенгауэр («Мир как воля и представление», т. 2, гл. 44 «Метафизика половой любви») находил все же у человека единственный инстинкт — инстинкт *подбора полового партнера* (на всякий случай обращаю внимание, что это совсем не то, что так называемый «половой инстинкт»). Именно потому, что через наше влечение волит род, волит еще не родившееся поколение, наш выбор слишком часто бывает таким нелепым и так часто любовь, основывавшаяся, как старались себя убедить брачующиеся, на нравственной близости и духовном родстве, вскоре после своего осуществления оставляет навеки (во времена Шопенгауэра это еще было навеки) скованными общей цепью не просто чужих и безразличных, но глубоко антипатичных друг другу людей. В самом деле, действие этой силы в людях более всего напоминает инстинкт, но и ей человек вполне способен противостоять.

человека, наивно полагающего, что он «сам по себе», они — бесы (если кому-то не нравится «бесы», можно сказать — страсти, и это будет такой же правдой, а может, еще большей правдой — ибо принцип экономии везде соблюдается, и зачем вас еще пасти, если вы сами себя стреножили), — так вот, они просто перекрывают, забивают, засоряют каналы, позволявшие бы в ином случае человеку использовать наличный потенциал. И этот поврежденный человек принимается позитивистами, сознательными и бессознательными, за человеческую норму. Вычисляется его «интеллектуальный коэффициент». Ищутся пути его «дальнейшего развития».

(А кстати, этот интеллектуальный тест компьютеры потому успешно проходят, что он для компьютеров и создан. Этот тест вычленяет какую-то узкую полосу в «параметрах» человека, измеряет ее в отрыве от всего остального — и, полагаю, пользующиеся им слишком часто попадают впросак. Ведь этот тест могли бы проходить на общих основаниях девочка, спасшая жизнь малышке, и молодая женщина, уничтожившая своих родителей и деда с бабушкой. И еще неизвестно, с каким результатом. А ведь совершенно очевидно, что они именно *интеллектуально* несопоставимы. Чтобы в боли, холоде и страхе — и при этом в ситуации полной неожиданности, ведь в аквапарке предполагался отдых и комфорт, — держать на руках человека, потому что «человека нельзя покинуть», нужно *знать* что-то такое, что совершенно недоступно другой юной леди, которую, между прочим, любящие родители развивали развивающими игрушками и заграничными поездками.)

> Представьте себе толпу людей, слепых, глухих, увечных, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздается вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела; а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления.
>
> *Владимир Соловьев, «Три речи в память Достоевского».*

В общем, разговоры Андрея Столярова о дальнейшем развитии человека похожи на то, как если бы кто-нибудь, приняв слепоту за норму, провозгласил следующим этапом эволюции — нет, не появление органа зрения, а усовершенствование органов осязания[3]. А еще точнее — усовершенствование палки, которой слепой ощупывает дорогу и улучшение ее связи с рукой.

Но каков же человек неповрежденный? Когда мы были *мы?* В наших истинных «параметрах», в обладании нашими действительными способностями? И что такое — грехопадение? И — почему мы занялись усовершенствованием палки?

Святые (как и Писание) свидетельствуют о том, что человек был сотворен вовсе не таким, каким мы его знаем. (О том же, на самом деле, свидетельствует и потенциал, используемый на ничтожные проценты. Нами унаследовано нечто, с чем мы не знаем, как обходиться. Но чрезвычайно нелогично было бы полагать, что тем, что мы унаследовали, никто никогда не пользовался.) Итак, человек был иным. Он обладал совершенным знанием тварного мира — ибо он нарекал имена вещам и всем живым существам (Быт. 2: 19 — 20). Поскольку мир творился Словом, это значит, что он, вглядевшись в существо предстоящего, должен был окликнуть его тем именно именем, каким предстоящий был вызван к бытию, то есть, в терминах нашей современной науки, мы могли бы сказать: он прочитывал информационный код всякой твари. Предназначенный быть хозяином и работником сада Эдемского, Адам был господином всех стихий творения. Преподобный Серафим Саровский говорил: «Адам был сотворен до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что ни вода его не топила, ни огонь не жег, ни земля не

---

[3] И кстати, тестирование проводил бы именно на осязание. Все хоть сколько-нибудь зрячие имели бы самые плохие результаты.

могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить ему каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему...»[4] Тем более не могло повредить ему никакое живое существо. То есть он обладал абсолютным знанием и абсолютным могуществом, что и неудивительно — он был создан по образу и подобию Божию. И он видел Бога лицом к лицу, как Он есть...

И наконец, он обладал свободой.

Свобода — единственное, что делает человека человеком, — образ и подобие Божие в нем; утраченное ныне подобие — и потому так сильна тоска по свободе и жажда ее; неуничтожимый образ — и потому в самом глухом и безнадежном рабстве (кто бы ни поработил человека: другой человек, его собственные похоти и страсти, внешние обстоятельства, беды и болезни или, напротив, роскошь и комфорт, затягивающие как в трясину, опутывающие по рукам и ногам страхом утраты или тоской и скукой), — так вот, в самом безнадежном рабстве человек ощущает вопреки всякой очевидности, что он свободен и что, если только он решится осуществить свою свободу, — никто и ничто не сможет этому помешать.

Итак, Адам обладал свободой — в том числе и свободой отречься от Бога, уйти, отвернуться от Его любви. Именно ею и соблазнил его змей: сами будете как боги, знающие добро и зло... Если вам покажется, что поведение Адама нелепо и неестественно, оглянитесь вокруг: эта история повторяется в человечестве с упорством, заслуживающим лучшего применения. Люди постоянно говорят как Отцу Небесному, так и отцу земному: знаешь, (Ты) ты, конечно, хороший, но мне бы лучше заполучить мою часть наследства и зажить самому по себе... Из самого богатого дома, из самой любящей семьи наших детей слишком часто (здесь и редко было бы — слишком часто...) удается сманить в подвалы и подворотни. И знающие все, что стоит знать, они иногда влекутся к тому, чего узнавать не стоит: как гаснет свет, как растлевается плоть, как истощается жизнь, как надвигается смерть... Это не то знание, которое можно обрести в присутствии Бога, который весь — свет и жизнь. Но это то знание, которое пришлось обрести Богу, чтобы дойти до покинувшего его человека. Расплата за нашу любовь к подвалам — вопль смертного ужаса и безмерного одиночества на Кресте.

Но это — потом, а тогда — тогда Адам и Ева захотели быть одни. Как сотряслась земля и все, что на ней, когда Адам откусил запретный плод, какой ужас овладел всей тварью, думаю, мы даже представить себе не в состоянии. Потому что щедрый и заботливый Отец отправил с человеком в подвал все мироздание — это была его часть наследства. «Проклята земля за тебя» (Быт. 3: 17). Для одинокого Адама мироздание должно было быть преобразовано в такое, которое способно существовать автономно. Терние и волчцы, жесткие, механистические «законы природы» возникают для создания этой автономной среды, годной отвернувшемуся от Бога человеку.

Теперь вопрос. Где поставить ангела с огненным мечом, если «Царствие Божие внутрь вас есть»? То есть «ангел» должен был перегородить человеку путь к его же способностям. Сделать человека недоступным для себя самого. Причем исключительно по желанию самого человека (хотя, может быть, он слишком поздно понял, чего на самом деле пожелал) — то есть для обеспечения его автономности. Ибо эти способности все так или иначе были *способностями связи.* Связи с Богом, связи с другим человеком, связи со всем в творении. Именно эти способности связи и обеспечивали человеку знание и могущество.

На каналы связи были наложены печати. И люди немедленно начали учиться эти печати снимать. Этому учили древние мистерии, тем же занимались все, прибегавшие к магии. Тут было много путей (и соответственно было составлено немало карт — учений и культов), но, наверное, их все можно поделить на два типа: это раскрытие печати и ее взлом. Раскрытие всегда связано с жестким самоограничением. Взлом — наоборот, с экспансией эго на

---

[4] Цит. по кн.: Серафим (Роуз), иеромонах. Православный взгляд на эволюцию. М., 1997, стр. 83.

окружающий мир, которой при этом пользуются силы, посторонние человеку. Раскрывший печать владеет (в той или иной степени) своими способностями и открывшимися средствами связи. Взломщик оказывается в положении человека в доме со снятой дверью. Он ни в какой момент не застрахован от вторжений силы, которой управлять не может, хотя иногда не сразу это понимает.

Таким образом, овладение своими способностями, доступ к своему наследству человек мог получить, только соблюдая все то, что мы называем «нравственными правилами», и в большинстве случаев совершенно не можем объяснить, почему их надо соблюдать. Но даже когда Христом были сняты все печати и открыты все каналы, вступление в полноту наследства осталось возможным лишь через святость, к каковой и были призваны все христиане. По этому пути пошли многие. Но совершенно очевидно, что это узкий путь. У тех, кто предпочитал «сласти творити», было две возможности вступить во владение иными путями. Первый — древний путь магии, путь взлома. Второй путь — путь цивилизации, путь протезирования. Если вы не хотите, чтобы ваша способность видеть на расстоянии и знать о происшествиях в соседнем городе зависела от того, предаетесь вы чревоугодию или нет, вы можете или вступить в контакт с неподвластными вам силами посредством жертвы (это фундаментальный способ «привлечения к работе» духов стихий, известный всем культурам и основанный на законе сохранения энергии и вещества: чтобы где-то прибыло, надо, чтобы где-то убыло, — то есть на законе *автономного* мира, мира, удалившегося и замкнувшегося от своего Создателя), или изобрести телевизор. И в том, и в другом случае человек оказывается не владельцем, но пользователем, в первом случае зависящим от духов стихий, во втором — от коллектива, производящего и осуществляющего функционирование технического средства, замещающего ту или иную естественную человеческую способность. Что мы не способны изобрести никакого технического средства, если не имеем соответствующей способности, — вполне очевидно: в противном случае мы просто не смогли бы им пользоваться. Протез может быть на месте слабого (например, очки) или отсутствующего члена, но никак не на том месте, где никакого члена вообще не было[5].

Между путем магии и путем цивилизации и выбирала Европа XVI — XVII веков.

Теперь, кажется, уже всем понятно (хотя относятся к этому все по-разному), что́ возрождалось в эпоху Возрождения. Возрождалось прежде всего представление о мироздании как об *автономной* системе, где человек — хозяин и работник, которому все подвластно. Христианство извлекло человека из сетей духов стихий и падших духов, вновь увенчало отнятой у него короной венца творения[6], и он вновь решил, что в качестве такового он вполне обойдется без

---

[5] В начале XX века немецким ученым Э. Каппом в книге «Философия техники» было предложено понятие органопроекции. Это понятие разбирает о. Павел Флоренский в работе «У водоразделов мысли». Идея органопроекции состоит в том, что технические орудия создаются человеком «по образу и подобию» естественных органов, продолжая человеческое тело туда, куда достигнуть ему мешает «ограниченность нашей власти над самими собою» (Флоренский П. А. Органопроекция. — В кн.: «Русский космизм. Антология философской мысли». М., 1993, стр. 150). Об идеях «усовершенствования человеческой природы» в 20-х годах XX века в России см.: Гачева А. Религиозно-философская ветвь русского космизма (1920 — 1930-е гг.). — В кн.: Гачева Анастасия, Казнина Ольга, Семенова Светлана. Философский контекст русской литературы 1920 — 1930-х годов. М., 2003.

[6] В некоторых религиях, то есть — в контакте с некоторыми духами стихий, с венцом увенчавшего творение поступали изощренно издевательски. Так, в шумеро-вавилонском эпосе причиной сотворения человека был бунт богов Игигов против непосильной работы, возложенной на них Ануннаками («Сказание об Атрахасисе»). Бессмертные боги устали от бесконечной работы, и решено было сотворить смертных людей, которые, устав, умирали бы и потому выполняли бы работы богов безропотно. В другом сказании описывается процесс творения: мудрый Энки вместе с Нинмах (великой богиней-праматерью) лепят человека из глины подземной бездны, но, прежде чем приступить к работе, устраивают пир, на котором напиваются, и человек выходит из их рук ущербным и беспомощным созданием (первое существо не умеет держать голову и не имеет признаков пола, второе — неродящая женщина и т. д.). Миф так и не рассказывает, как боги вышли из положения, но, судя по всему, они

Творца. Земля опять стала круглой, замкнутой (как это и было во многих языческих системах), перестала быть включенной в иерархию уровней мироздания. В *живопись* вновь пришла *перспектива* — изображение мира и вещей *с точки зрения человека, их* наблюдающего, а не самих по себе, как они есть. Изображение мира с запланированным искажением, вызванным сворачиванием мира на себя. И, конечно же, во множестве начали возрождаться магические практики. В начале XVII века те, кто их развивал, объявили в знаменитых и непонятных розенкрейцерских манифестах о своем намерении сообщить о достигнутом всем и каждому и не беречь и не хранить отныне тайного знания «наподобие некоего драгоценного убора до назначенного срока»[7]. По-видимому, лишь чрезмерным напряжением сил Католической Церкви европейский мир был повернут от розенкрейцерского Просвещения к Просвещению рационалистическому. Это очень сложная и для меня во многом темная история, хотя она постепенно вырисовывается из работ западных историков, особенно Фрэнсис Йейтс, наконец-то у нас переведенной; но то, что рационализм восторжествовал именно усилиями Церкви, — для меня очевидно. Очевидно и то, что выбирать пришлось *из двух зол:* рационализм — как это быстро выяснилось, а умным людям, видимо, было ясно с самого начала — развивался, формируя секулярное сознание и секулярную культуру.

Церковь предпочла рационализм с порождаемой им машинной цивилизацией, с культурой протезирования, в которой глохнут естественные человеческие способности (так же как неудержимо слабеет глаз, на который надели очки и которому не надо больше напрягаться), в которой человек запирается в узкой области очевидно-наличного — по вполне понятной причине. Как уже было сказано, здесь человек оказывался в зависимости от человеческого коллектива и хотя бы бездушно и механически, но неумолимо осуществлялась человеческая солидарность всех, связанных обеспечением функционирования общих систем человечества. Человечество не забывало о своем — хотя бы внешнем, навязанном — единстве. Правда, человек забывал о своей душе. Но на другом пути он душу терял. Он, искупленный дорогою ценой — и потому опять имеющий что заложить, — в поисках могущества без условий (без того самоограничения, способность к которому только и доказывает наши права на наследство) взламывал печати при помощи магических практик на таких условиях, которые обращали каждого во врага каждого и в соработника падших духов, делали человека предателем человечества. Человек недоступен демону без своего согласия на его вторжение, но *при помощи человека* демон может настигнуть любого[8].

Может возникнуть вопрос, почему самоограничению[9] придается такое значение; вопрос, закономерный внутри культуры, настроенной как раз на захват. Самоограничение, в отличие от экспансии «я», доказывает наши права на наследство, поскольку соответствует замыслу о человеке как о хозяине и работнике, хранителе и питателе мироздания; замыслу о человеке как о связующем звене между творением и Творцом. Человек призван, получая от Творца, *отдавать* творению. Но когда человеческим решением творение становится автономно, руки человека, чашей поднятые к Небесам для принятия благодати и передачи ее, опускаются вниз, охватывая землю как то, что теперь становится

загнали несовершенства человека внутрь, и он стал глиняным подобием богов с ущербным нутром. А посмертие здесь существовало одно — медленный процесс доумирания мертвых в царстве Эрешкигаль, евших прах из-под ног и пивших воду из луж до тех пор, пока сами они не становились прахом — пищей для следующих умерших.

[7] «Confessio Fraternitatis, или Исповедание достохвального Братства всечтимого Розового Креста, составленное для уведомления всех ученых мужей Европы». — В кн.: Йейтс Фрэнсис. Розенкрейцерское Просвещение. М., 1999, стр. 434.

[8] Я уже касалась этой темы со ссылкой на «Молот ведьм». См.: «Книжная полка Татьяны Касаткиной» — «Новый мир», 2004, № 2, стр. 187 — 188.

[9] Хотя, впрочем, о том, что *любые человеческие способности* зависят от самоограничения, знает любой циркач, любой спортсмен; да и любой водитель, на вечеринке пьющий сок и воду не только потому, что его может остановить милиция.

источником питания. Человек автономный пожирает то, чтó должен был кормить. Берет у того, чему должен был давать[10]. Соответственно самоограничение становится первым шагом на пути возвращения к своей истинной природе. Человек с восстановленными связями с мирозданием при обрыве главной связи — с Творцом — становится не кормильцем, а пауком мироздания, заплетающим его в свои сети и тянущим из него соки. И это тоже опасность, которой угрожал магизм, развивающийся внутри христианской культуры. Рационализм повел себя, в сущности, аналогично, но он был (и, наверное, посейчас остается) значительно маломощнее.

Своим выбором Католическая Церковь спасла европейское человечество от распадения на враждующие атомы, каждый из которых стремится к захвату мироздания. Она, во всяком случае на какое-то время, исключила возможность внешней автономности отдельного человека. Но тем острее он с течением времени начинал ощущать свою внутреннюю автономность — при внешней жесткой вплетенности в сеть «общественных отношений», свою ненужность и заброшенность в человечестве — при хищном желании использовать его как рабочий элемент в общественной схеме. Он был заперт рационализмом в узкой сфере наличной реальности, и тем самым его охраняли от вторжения демонов — но и от возможности всяких других связей. Уже давно он стал задыхаться и биться в стены своей незримой тюрьмы. Я не говорю здесь о тех, кто возвращался на узкий путь. Их много, но узкий путь — всегда узкий. Я говорю о тех, кто не знал, что есть куда возвращаться и что этот возврат возможен в любое мгновение. Многие из них стали *играть* в возвращение.

В сущности, эти игры сродни самой техногенной цивилизации. Мы мечтаем летать, но, поскольку путь к обретению этой способности, по нашей несклонности к самоограничению, закрыт или чрезвычайно затруднен, мы начинаем строить летательные приспособления. История авиации начиналась с «игрушечных» крыльев. Но эти игры давно превратились в настолько «общее» дело, что человек отдельный практически не способен ни построить самолет с начала до конца, ни летать на нем вполне самостоятельно — как минимум ему придется покупать горючее. А человек мечтает о *полноте* обладания своими способностями.

Тоска по своей истинной сущности и привела некоторых наших современников к бегству в игру — от серого, ущемленного, обрезанного человека, каким его представил позитивизм. Человеку тоскливо без крыльев. Ушедшие в игру решили, что проще представить, что у них есть крылья, чем их обретать. Человек стремится к полному контролю над своим миром. Проще создать этот мир в компьютере. Но на самом деле разгадка даже не в том, что это проще. Уходящие в Игру, как это видно из статьи Армена Асрияна, способны преодолевать серьезные трудности, способны к нешуточному напряжению и, кстати, склонны к перенесению Игры в реальное пространство. Перед нами люди (во всяком случае — иногда), всерьез ищущие обретения истинных себя в *пределах*

---

[10] Суть этого извращения человеческой природы так описывает Владимир Лосский: «Оторвавшись от Бога, его природа становится неестественной, противоестественной. Внезапно опрокинутый ум человека вместо того, чтобы отражать вечность, отображает в себе бесформенную материю: первозданная иерархия в человеке, ранее открытом для благодати и изливавшем ее в мир, — перевернута. Дух должен был жить Богом, душа — духом, тело — душой. Но дух начинает паразитировать на душе, питаясь ценностями не Божественными, подобными той автономной доброте и красоте, которые змий открыл женщине, когда привлек ее внимание к древу. Душа, в свою очередь, становится паразитом тела — поднимаются страсти. И, наконец, тело становится паразитом земной вселенной, убивает, чтобы питаться, и так обретает смерть. Но Бог — и в этом вся тайна „кожаных риз" — вносит, во избежание полного распада под действием зла, некий порядок в самую гущу беспорядка. Его благая воля устрояет и охраняет вселенную. Его наказание воспитывает: для человека лучше смерть, то есть отлучение от древа жизни, чем закрепление в вечности его чудовищного положения. Сама его смертность пробудит в нем раскаяние, то есть возможность новой любви. Но сохраняемая таким образом вселенная все же не является истинным миром: порядок, в котором есть место для смерти, остается порядком катастрофическим; „земля проклята за человека", и сама красота космоса становится двусмысленной». (См.: Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991, стр. 253.)

запертого рационализмом мира. Именно поэтому они пытаются уйти в иное время — в то время, где люди пользовались несравненно большим количеством своих способностей, чем в пределах, допускаемых рационализмом: скакали на конях, сражались на мечах; во время, где их могущество зависело от силы, ума и выучки, а не от качества пистолета, пулемета, огнемета; во время, где врагу смотрели в лицо, за друга отдавали жизнь, где честное слово стоило всех писаных договоров, — то есть во время, где человек жил в своем, человеческом, формате, не отделенный от других людей и от мира грудами технических приспособлений, не погребенный под созданными для него протезами. Эти люди определенно чувствуют, находясь в нашем культурном пространстве, что *не туда попали,* и это-то их ощущение, уж во всяком случае, истинное и здравое.

В других случаях, стремясь к необрезанному и непокалеченному бытию, к союзу с миром, опеке над мирозданием, люди уходят в «фэнтези». Толкиен действительно создал мир, из которого не хочется возвращаться. И опять-таки — по той же самой простой причине: этот «фантастический» мир гораздо больше соответствует человеческому формату[11], чем мир, созданный нашей *культурой цивилизации.* Играющие пытаются выбраться из нашего мира боковыми, скорее всего — тупиковыми, ходами, хотя, полагаю, никогда нельзя предвидеть, что произойдет в процессе игры. Как бы тщательно она ни была спроектирована, как бы ни были расписаны все роли, всегда остается возможность, что кто-то *угадает* или случайно повернет незапланированно — и окажется перед самой настоящей реальностью. Нечто подобное (хотя там это было вполне по плану) происходило ведь во всех мистериях. Там то, что представляется нам театральным действом, масштабной игрой, приводило к истинной встрече. Так что в том случае, если для кого-то игра — это попытка осуществления полноты своей человечности в *безопасном и контролируемом* пространстве (вроде пейнтбола как «войны для богатых»), думаю, он не может быть полностью благонадежен.

А тому, кто действительно хочет быть человеком, светлым и могущественным (гораздо могущественнее эльфов), нянчащим мироздание, а не жрущим его, понимающим зверей и птиц, видящим на расстоянии, проходящим бездны морские и пропасти земные, больных исцеляющим, мертвых воскрешающим, силой своей молитвы охраняющим города, — так к такому себе есть истинные, проверенные пути (хотя и нельзя сказать, чтобы освоенные, ибо здесь каждый — первопроходец). Нужно только помнить, что истинное могущество смиренно, не гордится, не превозносится, скрывается от глаз человеческих, потому что истинно могуч и велик человек, когда дает действовать в себе Богу, а где же вместится Бог, если мы сами себя не потесним. Христианские[12] смирение, терпение, пост, покаяние — это не образ жизни, не круговорот бытия, не место, в котором человек хочет пребывать (так считать в той же степени нелепо, как думать, что человек, втиснувшийся на третью полку переполненного поезда, хочет побыть в этом поезде), — словом, Христианство — это не быт. Это путь, который ведет нас к себе самим, потому что Бог — это единственное «место», в котором человек равен себе.

---

[11] Почему мы так любим смотреть фильмы о магах и волшебниках? Да потому же, почему любим цирк, большой спорт или вокал. Мы видим осуществленное развитие во всех нас заложенных способностей. Наши угнетенные способности резонируют с увиденным, это, может быть, единственная оставшаяся возможность их проявления в нас — поэтому подобные зрелища столь захватывающи.

[12] Можно сказать: а почему, собственно, христианские — вот другие религии тоже пользуются похожими средствами, и исповедующие их достигают впечатляющих результатов. Здесь начинается совсем другой, долгий, разговор — о сходстве и различиях разных религий. Поэтому скажу только, что развитые способности — это еще не результат, не цель. А в религии важна именно цель, с которой все делается. Вас могут тренировать пожарники, спасатели или воры-домушники. Цели у них будут разные, но в форточку вы научитесь залезать во всех случаях. Однако если вы поинтересуетесь этими целями, только уже залезши в форточку, возможно, будет поздно заявлять, что вы лично с ними не согласны.